

Агнеш ДУККОН

RÁCZ ILDIKÓ MÁRIA: A LÉT ÉS A SZERELEM SZENTSÉGE. IVAN BUNYIN MŰVÉSZI VILÁGKÉPE. L'HARMATTAN, BUDAPEST 2020, 373 P. ISBN 978-963-414-681-0

The Sanctity of Existence and Love. The Artistic World of Ivan Bunin

Abstract

This review presents a critical analysis of the monograph on Bunin by the Hungarian researcher Ildikó Mária Rácz. The author describes the main thematic blocs of the volume, for example, the influence of classic Russian literature on Bunin (Turgenev, Tolstoi, Chekhov, and Tiutchev), the role of Eastern philosophy in the evolution of Bunin's art, the connection between the modern psychological concepts (Freud, Jung) and the short stories as *Mitya's love* or *The grammar of love*.

Keywords: *Bunin, Erós, Thanatos, Sophia, philosophy of love, Arseniew's life*

Основываясь на прозаических произведениях Ивана Бунина, удостоенного в 1933 г. Нобелевской премии, Ильди́ко Ма́рия Ра́ц в своей книге предлагает обширный обзор интерпретаций философии творчества писателя и его теории бытия, и делает это, применяя различные методы анализа и подходы (семиотический, формалистический, сравнительный), а также проводя параллели между биографией и вехами жизненного пути Бунина. Появление монографии – исключительно отрадный факт; впервые на венгерском языке выходит столь подробная и основательная работа о Бунине. Особая заслуга книги состоит в том, что она может представлять интерес не только для узкого круга профессионалов. Литературоведческий и культурно-исторический материал подается в удобной для восприятия форме, снабжен тщательно структурированными указателями, библиографией и, что не менее важно, интересными иллюстрациями (фотографии семьи, современников, места, где бывал писатель, произведения искусства, связанные с его творчеством, всего 36 иллюстраций).

Монография состоит из пяти больших тематических блоков. Первая часть («Наследие классической русской прозаической традиции») посвящена литературному наследию, из которого берет свое начало проза Бунина, и которое писатель обогащает, художественно перерабатывая влияние иных направлений (православие, восточная философия религии, толстовство). В этом разделе Ильди́ко Ма́рия Ра́ц исследует связи Бунина с творчеством Тургенева, Чехова и Тютчева, опираясь на воспоминания современников, переписку, дневники и непосредственно произведения писателя. Изображение исчезающих дворянских усадеб и воссоздание патриархального быта, реконструировать который можно уже только по воспоминаниям, – одна из важнейших ранних рассказов

Бунина («Ностальгические воспоминания «дворянских гнезд»). Упоминание связи с Тургеневым обусловлено здесь не только тематическими параллелями, но и объединяющей авторов лиричностью, хотя сам Бунин в более старшем возрасте признавал мастерство Тургенева как писателя, но отзывался о нем отстраненно. Сравнивая поэтику двух писателей, автор выделяет наиболее характерные темы, такие как любовь, смерть, взаимоотношения человека и природы, ценность жизни при всей ее преходящести, однако указывает при этом, что Бунин в своем толковании бытия гораздо ближе к выдающемуся представителю русской философской лирики Федору Тютчеву. Ильди́ко Мария Рац демонстрирует переключки в плане натурфилософии, совпадения мотивов и картин и роль противоположных полюсов, сменяющих и дополняющих друг друга, в поэтике обоих авторов (высота-глубина, хаос-космос, день-ночь). Построенная на бинарных оппозициях поэтика Бунина определенно несет в себе черты родства с тютчевским мировоззрением.

О связи Чехова и Бунина речь идет в подглаве «Новая художественная концепция: отход от чеховской традиции». Посредством сравнительного анализа текстов двух писателей автор показывает, как личное влияние отделяется от художественного: при всей взаимной симпатии и высокой оценке талантов друг друга, в прозе для Чехова и Бунина характерны совершенно разная поэтика и художественное мировоззрение.

На протяжении всей книги Ильди́ко Мария Рац последовательно применяет междисциплинарный подход, привлекая к текстологическому анализу смежные науки (психологию, философию, историю культуры), с целью представить поэтику и идейный мир Бунина более многогранно, и делает это в разумных объемах и с большим профессионализмом. Прекрасное воплощение этого подхода можно увидеть во второй главе «На перекрестке религиозных философских систем», в которой автор анализирует влияние восточных религиозных философий и Льва Толстого, параллельно – в рассказах Бунина и, опираясь на свидетельства прикладной литературы (дневники, воспоминания, переписка). Ильди́ко Мария Рац обладает обширными познаниями в области Востока (его литературы, культуры), ее интерес к данной теме заметно обогащает содержание всей книги, а не только указанной главы. Описывая события жизни Бунина, в его впечатлениях от путешествий на Юг и на Восток (Ближний Восток, Индия, Африка), исследовательница также подчеркивает значимость этой определяющей духовной встречи. В книге также находим подробный рассказ о формировании толстовского влияния на Бунина: писатель периодически публиковал тексты о творчестве своего великого кумира, но самой известной и, в то же время, загадочной для современников – в первую очередь для соотечественников писателя, живших в эмиграции литературоведов, – стала книга «Освобождение Толстого» (1937), содержащая богатейший материал о Толстом. В своем анализе Ильди́ко Мария Рац также отмечает, что Бунин интерпретирует свое собственное мировоззрение и художественное кредо, обращаясь к событиям жизни Толстого, реанимируя его философские взгляды, личный и литературный путь. Слово «освобождение» в названии

книги указывает на то, что «уход» и смерть Толстого (для которого подготовка к смерти была определяющим вопросом на протяжении всей жизни, в том числе и в свете философии Марка Аврелия) были для него на самом деле тем «освобождением», которое означало возвращение души к Всеединному. Бунин, глубоко понимавший и «чувствовавший» мудрость Востока и философию стоиков, был наиболее тесно связан с Толстым этой общей нитью.

Одним из центральных элементов философии искусства писателя-лауреата Нобелевской премии является вопрос памяти, который также рассматривается автором книги с различных точек зрения. В том, что касается нейробиологических предпосылок механического и «таинственного» способа запоминания, исследовательница обращает внимание читателя на работы венгерского академика Тамаша Фройнда в области изучения мозга, подкрепляя этот разносторонний подход и в других частях книги. Обсуждение психологии бессознательного и влияния Фрейда и Юнга также охватывает несколько глав, ведь исследования глубинной психики и диагностика ее состояний в первой половине XX века развиваются параллельно с тем, как складывается писательская карьера Бунина. В ходе анализа произведений автор приводит поразительные примеры взаимного влияния искусства и науки: она принимает во внимание не только достижения гуманитарных наук, но и результаты исследований современной психологии/психиатрии – когда считает это оправданным (например, анализируя с помощью трудов венгерского невролога и психиатра Роберта Бака, центральную проблему повести «Митина любовь» – связь экстремального проявления любви с самоубийством – с. 193–197).

В главе «От грамматики любви к таинству любви» Ильди́ко Мария Ра́ц рассматривает вопросы философии культуры и архетипы, которые играют особую роль в прозе Бунина («небесная» и «земная» Афродита, София Божественной Мудрости, Вечная женственность, роковая женщина). В этом разделе анализ двух произведений («Митина любовь» и «Грамматика любви») раскрывает мистические связи между этими архетипами, а также Эросом и Танатосом, то есть любовью и смертью. Новизну анализу «Грамматики любви» придает выявление структуры волшебной сказки, скрытой в композиции рассказа. Поскольку этому аспекту в литературе не уделялось должного внимания, автор делает попытку применить к интерпретации указанного произведения сформулированную Владимиром Проппом теорию сказки – чтобы с ее помощью более ярко выявить в тексте дополнительные содержательные смыслы. Столь же самостоятельный и оригинальный подход применяет госпожа Ра́ц и к анализу повести «Митина любовь» – на этот раз она исследует смысловую структуру произведения, используя метод структурного анализа, указывает на интертекстуальное присутствие в повести текстов Афанасия Фета, Тургенева и Гете.

Книга изобилует своеобразными «микроразборами», то есть интерпретациями рассказов Бунина с разных точек зрения. Поэтому одни и те же рассказы и повести, такие как «Сны Чанга», «Грамматика любви», «Митина любовь», «Легкое дыхание», «Братья», «Чаша жизни», «Темные аллеи» фигурируют в следующих друг за другом главах снова и снова, будучи связаны с темами

иррационального, бессознательного, истолкования бытия, смерти от любви, «Вечной женственности» и т. д. При анализе прозы Бунина этого практически не избежать: протекание ключевых процессов человеческого бытия, упоминание их до такой степени пронизывает отдельные его тексты – посредством ассоциаций или мотивов, – что мы не можем игнорировать макроконтекст, возникающий, таким образом, из разрозненных рассказов. На самом деле, в этом также состоит особенность, уникального и оригинального творчества Бунина, и автор данной книги раскрывает ее перед нами с особой чуткостью. Среди таких «микроразборов» хочется выделить анализ рассказа «Чистый понедельник» (глава IV «Любовь как интерпретация бытия»).

Пятый раздел, «Итоги пути: „Жизнь Арсеньева”», полностью посвящен роману, упомянутому в названии. В начале автор обращается к истории создания романа и проблемам, связанным с жанром («Исповедь или художественный роман?» С. 252–268). Ильдико Мария Рац дает обзор определений, которые давали этому жанру современники писателя («романизованная автобиография», «цикл рассказов», «вымышленная автобиография», «своеобразное сращение философской поэмы с симфонической картиной»). Далее приводятся варианты классификации, которыми оперирует более поздняя литература о Бунине – вплоть до наших дней («роман потока жизни», «феноменологический роман», «роман-поэма», «роман-воспоминание», «роман-инициация»). Эксперименты с терминологией и определениями подчеркивают особый характер «Жизни Арсеньева», обусловленный тем, что бунинская эстетика опирается на философию бытия, и не позволяющий с легкостью вписать это произведение в традиционные жанровые рамки. Затем в центре внимания автора оказываются время, борьба с его течением, дихотомия творчества и любви, антиномии земного существования. Как утверждает Ильдико Мария Рац, кратко подытоживая свое исследование, творческое наследие Бунина, равно как и анализируемое произведение, отличает «стремление к полноте, совершенству, [...] писатель считал „священным долгом” превращение преходящего в „бессмертное”, сохранение его для культурной памяти.» (с. 309).

Агнеш Дуккон

Институт славянской и балтийской филологии

Университет им. Лоранда Этвеша

Будапешт, Венгрия

dukkonagnes@gmail.com

